

В. Д. Курганская¹

ПОСТФИЛОСОФИЯ КАК ДИСКУРС СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

На наших глазах происходит смена цивилизационных устоев жизнеустройства, серьезная переоценка ценностей, разноречиво трактуется ситуация, в которой оказалось современное человечество. Утрачивают былую мировоззренческую принципиальность и со-

¹ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор около 190 научных публикаций, в т. ч. 25 монографий: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «Идеи», председатель редакционного совета международного научного журнала «Global Scienc Communications». Награждена медалями «За заслуги в развитии науки», «20 лет независимости Республики Казахстан».

циально-политическую респектабельность фундаментальные для прежних форм социальной теории различия социально-экономических формаций (социализм и капитализм) или политических режимов (тоталитаризм, авторитаризм, демократия). Отвергаются концепции общественного развития, еще недавно самоуверенно предлагавшие амбициозные планы, прогнозы и решения. Наиболее устойчивыми характеристиками человеческого бытия становятся нестабильность, изменчивость, интенсивная трансформация общественных институтов, преобразование всей культурно-искусственной среды обитания человека.

У политических и интеллектуальных лидеров нет однозначных оценок ситуации, в которой оказалось человечество, и единодушного мнения относительно путей продвижения в будущее. В литературе встречается множество обозначений того типа общества, которое идет на смену существующим социальным порядкам:

постиндустриальное (Д. Рисмен, Д. Белл, А. Турен, Ж. Фурастье, О. Тоффлер), посттрадиционное (С. Айзенштадт), посткапиталистическое или постбуржуазное (Р. Дарендорф, П. Дракер), постцивилизованное (К. Боулдинг), пострыночное или постпредпринимательское (П. Дракер, Т. Барнс), постэкономическое (П. Дракер, В. Л. Иноземцев), конвенциональное (Дж. Пакульский, М. Уотерс), информационное (Ф. Махлуп, Е. Масуда, Р. Кац, Т. Стоуньер), программируемое (А. Турен), общество досуга (Д. Рисман), знаний (Р. Лайн, Д. Диксон, Т. Сакайя), сетевых структур, или информационный капитализм (М. Кастельс), общество виртуального соприсутствия (Э. Гидденс), технотронное (З. Бжезинский), электронно-цифровое (Д. Тапскотт), общество риска (У. Бек), спектакля (Г. Дебор) и т. п.

В перечне предложенных социальными теоретиками наименований нового типа общества большинство вариантов начинается с приставки *post-*. Распространенность такого рода терминов объясняется тем, что приставка *post-* обозначает не только оформившееся общественное целое, определившееся в собственных, имманентных структурах, но и сам процесс перехода.

Современный мир определяется как эпоха перехода от модерна к постмодерну. По известному определению классика, философия есть эпоха, схваченная в мысли. Ироничное определение Кьеркегором современного ему мира как «сверхфилософского времени» в эпоху постмодерна приобретает строгий терминологический смысл. Переход системы к новому типу саморегуляции (или появление в ней нового уровня организации) трансформирует все генетически предшествующие, ранее сложившиеся элементы и структуры. Философия, как базовая мировоззренческая дисциплина эпохи модерна, выявляющая и учреждающая основополагающие структуры рационального мышления, с приходом эпохи постмодерна должна — уже просто этимологически — трансформироваться в постфилософию — «вещь тонкую, непонятную, интересную, местами отвратительную»¹.

Модерн практически завершается (не в своем эмпирически наличном бытии, разумеется, а как фаза всемирно-исторического процесса). Однако эпоха постмодерна ведь еще и не начиналась. Она надвигается как состояние фазового перехода к чему-то, что находится, если использовать термины нелинейной динамики, за горизонтом предсказуемости. В фазовом переходе происходят становление нового состояния реальности, а также сдвиг, семантические мутации, качественное преобразование всех категорий, законов, принципов ее восприятия и осмысления. Поэтому не в силу свободного выбора, а с фатальной неизбежностью философия (постфилософия) постмодерна самоопределилась как философия становления.

Своеобразный алгоритм деконструкции концептуального каркаса картины мира модерна и его перевода в понятия картины мира постмодерна предложен рядом направлений междисциплинарных исследований: синергетикой, нелинейной динамикой, теорией дис-

сипативных структур. В синергетике акцент делается на исследовании состояний неустойчивости, процессов рождения и перестройки структур, или, по И. Пригожину, происходит переход от изучения инвариантов к сингулярностям, от бытия к становлению.

Постфилософия является закономерным результатом делегитимации систем мировоззрения, выработанных религией и философией: «В наше время философия не просто закончилась, она в наше время невозможна... Никакого Канта, никакого чистого разума, никакого Сартра уже не существует»². Точнее, они трансформируются в концептуальные персонажи и мизансцены постмодернистской инсценировки события мысли, театрално-сценического производства фантазма. Постмодернизм характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром как выход из употребления метанарративного механизма легитимации³. Такого рода механизмы отныне выступают гибкие сети языковых игр, которые реализуются в форме институтов. Самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие глубинной реальности. При этом в фазовых переходах правила игры имманентны самой игре, не имеют метафизических или трансцендентных истоков.

В романе «Игра в бисер» Г. Гессе описывает игру как реализацию великой идеи движения к синтезу точных и гуманитарных наук и науки в целом с искусством и религией. Теоретически с помощью этой игры можно воспроизвести весь духовный космос человечества. «Игра в бисер — это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры»⁴.

В виртуальное игровое пространство мира постмодерна втягиваются вещи-симулякры любого происхождения и с любой семантической нагрузкой: культурные ценности и артефакты, религиозные символы и мифопоэтические сюжеты, философские идеи и научные теории. Культовый, как сейчас принято выражаться, фильм братьев Вачовски «Матрица» представляет собой «ковер, сотканный из нитей тибетского и дзэнского буддизма, гностицизма, классической и современной западной эпистемологии, популярной квантовой механики, юнгианской психологии, постмодернизма, научной фантастики, гонконгских боевиков и т. д.»⁵.

Переход к кастальской «Игре в бисер» как механизму легитимации нового типа мироустройства влечет за собой ряд методологических требований.

Во-первых, требование преодоления неизжитого платонизма для перехода к принципиально новому классу моделей метастабильных, эволюционирующих, изначально не заданных онтологий. Взгляд изнутри этих онтологий радикально меняет топологию эпистемологического пространства. За горизонтом предсказуемости, или за окном прозрачности, рефлектирующее

² Дугин А. Указ. соч. С. 61.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 10.

⁴ Гессе Г. Игра в бисер: роман. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. С. 8.

⁵ Бассам Г. Религия «Матрицы» и проблемы плюрализма // «Матрица» как философия: эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. URL: http://marsexx.ru/utopia/matrix_kak_filosofia.html

¹ Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. С. 30.

сознание, включенное в наблюдаемую онтологию, вынуждено переходить от картезианско-ньютоновского детерминистского языка к языку вероятностному.

Во-вторых, эпохе делегитимации метанарративов принадлежит идея междисциплинарности. С позиций постнеклассической методологии онтологические основания раскрываются как мультимодельные и полиморфные сборки дисциплинарных, интер- и трансдисциплинарных когнитивных практик (картин мира современной физики, квантовой механики, космологии, биологии, математики, гуманитарных дисциплин).

Трансдисциплинарные подходы — это номады, странствующие среди оседлого населения дисциплинарных пространств и пытающиеся создать между ними волну (диссипативную структуру) когерентности. Ситуация междисциплинарности определяет структурирование постнеклассического эпистемологического пространства как когнитивной среды, в которой происходит *самоорганизация* нового знания. Причем метрика этого пространства междисциплинарных коммуникаций выстраивается, в отличие от кастальской игры, по сетевому, фрактальному или ризоморфному принципу. По сути, социальное и эпистемологическое пространство постмодерна приобретает структуру динамического хаоса, описываемую фрактальной геометрией самоподобных объектов (облаков, крон деревьев, береговых линий и т. п.).

Правомерность конституирования синергетики в качестве парадигмы постфилософского дискурса связана с такой особенностью концептуального аппарата синергетики, как самоприменимость. В соответствии с этим принципом «... концептуальный аппарат, претендующий на описание самоорганизующихся процессов, сам является результатом самоорганизации»¹. В условиях постмодерна легитимность утрачивают не только метанарративы, но и любые дискурсивно-аналитические конструкции. Все большее число фундаментальных форм человеческой деятельности начинает регулироваться логикой аффектов и перцептов, в том числе и в построении картины мира. В своих функциях по интеграции концепта, перцепта и аффекта

постфилософия вслед за Ф. Ницше, «уже заменившим суждение аффектом»², стремится вырваться из круга дискурсивных практик как таковых, целенаправленно движется к отказу от обоснований и доказательств своих утверждений. «Философия состоит не в знании и вдохновляется не истиной, а такими категориями, как интересное, примечательное или значительное»³. В соответствии с этой тенденцией рядом исследователей для характеристики современного типа мироустройства использованы метафоры: «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), «великая шахматная доска» (З. Бжезинский), «всемирная деревня» (М. Маклюэн), однополярный, биполярный и многополярный мир, «плоский мир» (Т. Фридман), «цивилизация третьей волны» (О. Тоффлер).

А. Дугин утверждает: «Мы живем в эпоху *фазового перехода*, и специфика этого фазового перехода состоит в том, что мы видим, как нечто чудовищное, страшное, противоестественное совершается на наших глазах, но мы уже *ничего не способны в этом изменить*»⁴. Апокалиптические выводы А. Дугина, как и, например, пророчества Бодрийяра о конце социального, основаны на линейной экстраполяции тенденций первоначального этапа фазового перехода к эпохе постмодерна. Однако есть все признаки того, что линейная модальность становления новой реальности подходит к точке бифуркации, в которой выводы А. Дугина окажутся за горизонтом предсказуемости.

До сих пор позитивная программа постмодернизма сводится к опоре на маргинальные силы и девиантные практики становления нового миропорядка, что вполне укладывается в логику мейнстрима глобализации. Например, Ж. Делёз выделяет такой параметр порядка самоорганизации социальной системы: «Общество строится по образу и подобию собственных преступлений»⁵. Перспективы постфилософии определяются тем, сможет ли она выработать управляющий параметр фазового перехода к новому типу мироустройства, не порывающему с гуманистическими ценностями «великих рассказов» классической философской традиции.

¹ Аршинов В. И., Свицкий Я. И. Синергетическое движение в языке. URL: <http://spkurdyumov.ru>

² Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 451.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 108.

⁴ Дугин А. Указ. соч. С. 186.

⁵ Делёз Ж. Указ. соч. С. 211.